
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

И.А. ЧИХАРЕВ, Д.С. ПОЛУЛЯХ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ОСНОВНОЕ ТЕЧЕНИЕ ИЛИ ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ?

Чуть более десяти лет назад журнал «Политические исследования» опубликовал несколько статей, посвященных соотношению предметных областей мирополитических исследований и сравнительной политологии [Ильин, 2004; Мельвиль, 2004]. В них, по сути, была предложена исследовательская программа изучения новых глобальных и транснациональных феноменов методами политической компаративистики. Намечалось становление нового направления в политологии – «сравнительной мировой политики».

Удалось ли этому направлению стать основным в сравнительных исследованиях, или же две отрасли знаний – мировая политика и политическая компаративистика – продолжают развиваться сепаратно? С целью ответа на этот вопрос мы провели наукометрическое исследование публикаций за пять лет в двух ведущих мировых журналах в рассматриваемых областях – *World politics* и *Comparative politics*. В целом оно показало, что тематика каждого из журналов, за довольно редкими исключениями, остается «классической». Компаративисты в основном изучают явления внутренней политики, а исследователи мировой политики – в большей степени межгосударственные феномены или транснациональную среду, но без использования систематических сравнений – некоторые наиболее характерные исключения проанализированы во второй части нашего небольшого исследования.

В отечественной политологии развитие сравнительной мировой политики осталось уделом достаточно небольшого сообщества московских политологов – уже упомянутых А.Ю. Мельвиля и М.В. Ильина и их ближайших коллег, а также кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, где специализации «сравнительная политология», «международные отношения и мировая политика», «политическая глобалистика» были объединены на кафедре сравнительной политологии, которую возглавил академик Ю.С. Пивоваров. Актуальную повестку научных исследований этой кафедры в целом раскрывает настоящий номер «Политической науки».

Таким образом, можно сказать, что сравнительная мировая политика продолжает свое самоутверждение, но не смогла стать основным течением ни в сравнительных, ни в мирополитических исследованиях. В чем причины?

Во-первых, существует блок институциональных причин. Политология и международные отношения продолжают преподаваться на различных факультетах: международники не отказываются от привычных историографических методов, а политологи – от государствоцентричных предметов.

Во-вторых, уровень развития сравнительных исследований как таковых в России является относительно низким – систематические, методологически строгие сравнения применяются редко даже к традиционным внутригосударственным институтам и процессам.

Однако наиболее интересным представляется блок причин политических, или, чуть шире, – интеллектуально- или идейно-политических.

Прежде всего следует сказать, что в реальной мировой политике последнего десятилетия возобладал тренд ресуверенизации. Крупные государства укрепили свой суверенитет – это касается и России, и Китая, и США. В Европе наиболее актуальным выражением этой тенденции является, наверное, фактически запущенный процесс выхода Великобритании из Европейского союза. Для мирополитических и сравнительных исследований это означает возврат к государству, внутригосударственным институтам и межгосударственным отношениям как главным фокусам внимания.

В области изучения транснациональных акторов и феноменов преобладает скепсис, связанный или с неуверенностью в силах таких акторов перед лицом крупных государств, или с предполо-

жением, что все они находятся на службе ведущих государств мира, являются их марионетками. Так, неправительственные организации рассматриваются как агенты «цветных революций», корпорации и финансовые институты – как инструментарий экономической войны, а СМИ – как орудие войны информационной.

В плане сравнительных исследований глобального уровня политического взаимодействия отрицательно сказалась серия кризисов глобализации – как финансового, так и макроконфликтного свойства.

Однако наиболее интересной причиной идейно-политического свойства представляется сохраняющийся и культивируемый «онтологический» разрыв между уровнем государства и глобальным уровнем. Он давно известен политологам как противопоставление «анархичности», а значит, конфликтности международной жизни, – «иерархичности», а значит, управляемости жизни внутригосударственной. Но в современных условиях он приобретает несколько иной смысл. Главным здесь является состояние однополярности современного мира, не допускающее возможности демократизации принятия глобальных решений.

В современных международно-политических условиях выражением этого разрыва является дихотомия «демократического мира» и «демократического миропорядка». Первый в теории и на практике активно продвигается США и союзниками. Смысл «демократического мира» – ограничение применимости понятия демократии внутригосударственными рамками при использовании на уровне глобальном авторитарных и силовых инструментов в интересах «становления демократии». «Демократический миропорядок» движется от общего к частному, призывая устами сторонников многополярного мира к демократизации глобальных решений.

Если такой разрыв мог бы быть преодолен – за счет «нащупывания» связки традиционной политической теории с современной глобальной политикой, – такая теоретическая основа могла бы дать возможность применения достижений политической компаративистики к изучению процессов становления глобальной политики.

Рассмотрим, насколько зерна такого подхода можно обнаружить в современных исследованиях в рамках сравнительной мировой политики.

Проанализировав тематику публикаций последних лет в журналах «World politics» и «Comparative political studies», мы вы-

делили десять наиболее характерных статей, рассматривающих мирополитические феномены в сравнительной перспективе.

Начнем с журнала «World politics» и статьи Кристофера Макнелли под названием «Сино-капитализм: возрождение Китая и международная политэкономия». Возрождение Китая, безусловно, историческое событие и центр внимания исследователей мировой политики со всего мира. Макнелли в статье концентрируется на экономическом аспекте этого возрождения, подчеркивая, что укрепление экономики Китая оказывает трансформирующее воздействие на международную политэкономияю.

Начинает свой анализ автор со сравнения двух моделей капитализма – англо-американской и китайской («сино-капитализм»). Сама тематика сравнения капиталистических моделей не нова в исследовательской литературе. С конца «холодной войны» темы «сравнительного капитализма» и «разновидностей капитализма» набирают популярность, которая сохраняется до сих пор и подогревается трендом экономического возрождения КНР.

Макнелли называет следующие признаки сино-капитализма, отличающие его от англо-американской модели. Китайский капитализм опирается не на правовой кодекс и транспарентные правила, а на неформальные бизнес-сети. Также он признает право государства играть направляющую роль в развитии экономики. В целом в основе сино-капитализма лежит не игра свободных рынков, а интерес китайского государства, а также ценности и нормы взаимности, стабильности и иерархии.

Но автор не останавливается на характеристике внутривнутриполитической политэкономии Китая, выводя анализ в мироэкономическую плоскость. Он это делает на примере усилий Китая по интернационализации своей валюты (юаня). Здесь он показывает, как внутривнутриполитическая логика сино-капитализма распространяется и на глобальный уровень: «Сино-капитализм возникает как новая комплексная глобальная капиталистическая сила, включающая статистские, гибкие сетевые и основанные на либеральных нормах многосторонние ориентации. Китайская позиция и стратегия в международной политэкономии, таким образом, остается верной гибридным компенсационным институциональным комплементарностям сино-капитализма на внутривнутриполитическом уровне: государственному руководству, гибким бизнес-сетям и глобальной интеграции» [McNally, 2012, p. 758].

Сино-капитализм, таким образом, это не только внутривосточная экономическая модель Китая, но и формирующаяся глобальная капиталистическая система, находящаяся в амбивалентных отношениях с англосаксонской моделью капитализма.

Статья Макнелли интересна тем, что перешагивает через границы ограниченного национальным уровнем сравнительно-капиталистического подхода и выводит дискуссию на уровень конкурирующих глобальных экономических моделей.

Следующая статья, которую мы рассмотрим, также анализирует популярную тему глобальной экономической системы. В этой системе, в свою очередь, набирают популярность два особых института, регулирующих торговлю и инвестиции. Речь идет о двусторонних инвестиционных соглашениях (ДИС) и преференциальных торговых соглашениях (ПТС). Сравнение этих двух видов экономических соглашений легло в основу статьи **«Лучше мало, чем много: двусторонние инвестиционные соглашения и преференциальные торговые соглашения»** Дженнифер Тобин и Марка Буша. Сегодня практически каждое государство является частью хотя бы одного из таких соглашений. Несмотря на то что они выполняют схожую роль в мировой экономике, стимулируя коммерцию через увеличение предсказуемости, а также хорошо изучены в научной литературе, редко предпринимались попытки сравнить эти два феномена.

Авторы восполняют этот пробел, поднимая вопросы о том, как оба вида соглашений обуславливают друг друга, как они способствуют привлечению прямых иностранных инвестиций и какая конфигурация таких институтов способствует заключению торгового соглашения между развивающейся и развитой страной. Анализ проводился на основе информации по парам «развитая страна – развивающаяся страна» с 1960 по 2004 г.

Авторы приходят к выводу, что формирование ДИС между развивающейся и развитой страной впоследствии приводит к формированию ПТС между ними. Кроме того, если раньше считалось, что развивающаяся страна, стремящаяся заключить торговое соглашение с развитой страной, должна стать частью как можно большего числа «вертикальных» (Север – Юг) ДИС и ПТС, показывая, что страна «открыта для бизнеса», то проведенное исследование утверждает другое. Бедная страна, заключившая большое число ДИС (больше пяти), *менее вероятно* заключит ПТС с развитой

страной. Дело в том, что чрезмерное количество соглашений отталкивает развитые страны, заинтересованные в защите своих транснациональных компаний. Поэтому задача бедных стран – не заключать как можно больше договоров, а заключить несколько, но правильных, «пока богатые страны не покинули стол переговоров» [Tobin, Busch, 2010, p. 32]

Исследование Тобин и Буша расширяет рамки международной политэкономии за счет применения сравнительного метода к нетрадиционным сущностям мировой экономики. Такой подход имеет большие перспективы во все более усложняющейся среде хозяйственных отношений.

Таким же нестандартным объектом сравнительного анализа являются террористические организации как акторы мировой политики. Они находятся в центре исследования в статье Джейкоба Шапиро и Дэвида Зигеля «**Моральный риск, дисциплина и управление террористической организацией**». Ученых интересовали проблемы и трудности, с которыми приходилось сталкиваться лидерам ячеек в вопросах управления агентами.

Источниками информации для исследователей послужили 90 автобиографий членов террористических организаций с 1880 г. по настоящее время. Сравнительный анализ показал, что многие террористические организации сталкивались с управленческими проблемами. К примеру, в «Движении 2-го июня», действовавшем в 1970-х годах в Западной Германии, возникали споры по поводу того, куда потратить награбленные деньги. А в организации «Weatherman», действовавшей в США в то же время, шли дискуссии о выборе приоритетного направления деятельности: насильственные акции или же политическая активность.

Анализ автобиографий показал, что в большинстве террористических организаций управленческие проблемы, среди которых основной являлась проблема неподчинения агентов, решались путем формирования бюрократии. Такие разные образования, как Польское подпольное государство в Варшаве, Красные бригады, ЭТА, Аум Синрикё, ФАТХ, Аль-Каида, Аль-Каида в Ираке, ИГИ(Л), объединяет то, что они создали значительные массивы документов, сравнимые с бумажной работой в легальных международных организациях.

В целом результаты исследования Шапиро и Зигеля следующие:
1) большинство проанализированных групп испытывало проблемы,

вызванные гетерогенностью предпочтений членов; 2) большинство групп организованы иерархично с несколькими управленческими уровнями; 3) лидеры применяли средства мониторинга действий своих оперативников; 4) делопроизводство лучше развито в националистических, чем в социал-революционных группах. Это связано с тем, что националистические группы более широки и гетерогенны, и в них проблема морального риска более существенна.

Исследование интересно тем, что проливает свет на внутреннее устройство таких слабо изученных в литературе по мировой политике, но крайне влиятельных акторов, как террористические организации. Сравнительный подход к проблеме помог выявить общие и особенные характеристики систем управления в таких организациях.

Вопросы управления, только уже на более высоком уровне, поднимает также статья Джона Герринга, Дэниела Зиблатта, Йохана Ван Горпа и Хулиана Аревало «**Институциональная теория прямого и непрямого правления**». В этой статье авторы не просто сравнивают различные стратегии управления на различных территориальных уровнях, но также предлагают всеохватную теорию, объясняющую централизованность / децентрализованность этих стратегий в тех или иных случаях. Данную концепцию они называют «институциональной теорией прямого / непрямого правления».

Авторы начинают рассуждение, показывая, что все механизмы территориального правления подразумевают наличие пространственных единиц с неравными правами. Например, феодальная монархия и ее княжества, империя и ее колонии, формальная империя и неформальная империя (сфера влияния), национальное правительство и субнациональные единицы, региональные правительства и локальные единицы. Каждый раз управляющая единица (*A*) решает, какой объем полномочий она делегирует подчиненной единице (*B*). Авторы задаются вопросом: почему в одних случаях возникает система прямого управления, а в других – непрямого?

С точки зрения авторов, наиболее существенный фактор, влияющий на это, – существовавшая до момента подчинения степень централизации в единице *B*. Если она централизована, то между *A* и *B* установится децентрализованная система управления. И наоборот.

Авторы проверяют гипотезу на примерах эпохи империализма, а также современных наций-государств. Такая же ситуация

наблюдается в феномене неокOLONиального типа управления, который США осуществляли в Латинской Америке в XIX в., а также по всему миру – в XX и XXI вв. Пример – американское вторжение в Ирак в 2003 г. Оккупация носила прямой характер в шиитских и суннитских регионах и опиралась на непрямой стиль управления – в курдском. Отличие курдского региона было в том, что там уже существовала институционализированная система управления, в то время как механизмы управления в других были разрушены войной.

Амбициозная модель, предлагаемая статьей, стремится объяснить логику любого территориального управления. Для нас эта статья интересна как попытка сравнения стратегий управления, выходящих за рамки национального государства.

Наконец, последняя статья из списка «World politics» носит название «**Выбирая цель: каким типам государств достаются различные типы проектов Всемирного банка**» (автор – Мэтью Винтерс). В названии выражен основной интерес статьи.

По мысли Винтерса, разумней всего иностранной помощью для целей экономического развития и борьбы с бедностью смогут воспользоваться эффективно управляемые страны, т.е. те, которые придерживаются стандартов «хорошего государственного управления» (good governance). Соответственно, институты, распределяющие помощь, должны выделять больше ресурсов именно таким государствам, в то время как неэффективно управляемые должны получать строго определенный вид помощи, который подразумевает меньше собственного усмотрения правительства.

Автор проанализировал информацию по проектам Всемирного банка (ВБ) с 1996 по 2002 г. Он разделил все проекты на программное (бюджетная поддержка или кредитование структурной перестройки) и инвестиционное (проектное) кредитование, а последнее – на национальное и субнациональное. Если говорить об инвестиционном кредитовании, то, как показывает автор, ВБ выделяет больше ресурсов именно «эффективно управляемым» странам.

Другая ситуация наблюдается с программным кредитованием. Здесь свидетельства не столь однозначны. Среди стран, имеющих право на получение помощи от Международной ассоциации развития (МАР), «хорошее управление» страным образом связано с меньшими объемами программной помощи. Что же касается Меж-

дународного банка реконструкции и развития (МБРР)¹, то здесь эффективность государственного управления прямо пропорциональна количеству получаемой страной помощи. Винтерс объясняет такое несоответствие политическими мотивациями МАР, которая зависит от бюджетных вливаний со стороны стран-доноров.

Статья Мэтью Винтерса делает вклад в развитие сравнительной мировой политики, включая в анализ международные организации, сопоставляя типы стран с типами проектов международной помощи.

Наш список журнала «Comparative political studies» открывает статья **«Межправительственность и ее границы: оценивая ответ Европейского союза на кризис евро»** Сержио Фаббрини. В центре анализа автора – сравнение стратегий и моделей управления в Евросоюзе. Фаббрини выделяет две таких стратегии – наднационального и межправительственного управления.

Основу наднационального уровня в ЕС составляют четыре института: Европейский совет, Совет ЕС, Европарламент и Еврокомиссия. Работа наднациональных институтов, по замыслу политиков, должна была стать важнейшей, если не единственной, формой принятия решений в ЕС. Однако когда интеграция стала распространяться на области, чувствительные для государств-членов, появилась необходимость разработать альтернативный, упрощенный способ принятия решений. С 1990-х годов исследователи начали активно изучать этот подход, включающий в себя бенчмаркинг, мейнстриминг, партнерскую проверку и в целом межправительственную координацию.

Уравновесить эти две стратегии попытался Лиссабонский договор (вступил в силу 1 декабря 2009 г.), установивший двойную систему управления. Наднациональной части этой системы отходили, к примеру, вопросы единого рынка, а межправительственной части – экономическая, финансовая и т.п. политика.

Ответ на кризис евро, начавшийся в 2008 г. и усугубившийся в 2010 г., разрабатывался на межправительственной основе. Однако межправительственные договоры и решения 2010–2012 гг. так и не смогли обеспечить эффективного и легитимного решения финансового кризиса. Из этого факта автор делает вывод, что кризис поставил вопрос не об эффективности ЕС в целом, а об эффектив-

¹ МАР и МБРР – кредитные организации, входящие в группу Всемирного банка.

ности его межправительственной части. Межправительственный ЕС, ограниченный в своей внутренней логике, столкнулся с фундаментальными проблемами в вопросах коллективного действия.

Тема стратегий управления в мировой политике (на глобальном или региональном уровне, в случае исследования Фаббрини) сегодня особенно актуальна в условиях «системного кризиса», заставляющего пересматривать эффективность политических механизмов. Сравнение конкурирующих стратегий межправительственного и наднационального принятия решений находится в центре дискуссий по этой теме.

Еще одна из интенсивно развивающихся областей мирополитической науки – изучение глобальных проблем. Статья **«Поменяться местами: роль Соединенных Штатов и Европейского Союза в международной экологической политике»** Дэниела Келемена и Дэвида Вогеля посвящена сравнительному анализу позиций двух крупных мирополитических игроков по экологическим проблемам.

Интерес авторов вызвала парадоксальная ситуация в экологической политике. США были одними из самых сильных и последовательных сторонников экологических договоров в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда вопросы окружающей среды только начали привлекать внимание государств. Несмотря на то что европейские страны также активно ратифицировали глобальные экологические договоры, именно Соединенным Штатам принадлежало безусловное лидерство. В 1990-х годах динамика экологической политики изменилась, и Европейский союз заявил о себе как о глобальном лидере в области защиты окружающей среды, в то время как США перешли в оппозицию многосторонним экологическим договорам.

Авторы объясняют произошедшую перемену моделью «регулятивной политики», которая связывает эффекты внутренней политики с международной регулятивной конкуренцией. То есть чем больше политическое влияние «зеленых» партий и движений в стране, тем более жесткими становятся внутренние стандарты и тем больше страна становится экономически заинтересованной в поддержке многосторонних экологических соглашений, которые интернационализируют такие стандарты. Если же такие политические силы слабы, то интерес в многосторонних соглашениях теряется, и у фирм и правительств появляется экономический интерес

в противодействии международным соглашениям, которые учреждают внутренние стандарты.

Это и объясняет, почему США и ЕС поменялись местами в своих позициях по поводу экологических стандартов. В начале 1970-х годов экологические активисты получили значительное влияние и политическую власть в США. Как результат, Соединенные Штаты приняли жесткие внутренние стандарты и стали стремиться распространить их в остальном мире. В 1990-х годах внутриполитическая ситуация изменилась: экологи потеряли свои позиции в США и получили влияние в Европе. Изменился и конкурентный интерес этих игроков: ЕС стали заинтересованы в продвижении идеи многосторонней борьбы с экологическими проблемами, в то время как США подчинение этим нормам стало невыгодно.

Работа Келемена и Вогеля, придерживающаяся традиционного для компаративистской литературы подхода, интересна нам обращением к глобальному уровню мировой политики, где в многостороннем формате решаются общие для мирового сообщества проблемы.

Экологической проблематике посвящена и следующая статья – **«Глобальные частные режимы, национальное публичное право. ISO 14001 и уменьшение загрязнения»** Асима Пракаша и Мэтью Потоски. В центре ее внимания – феномен частных добровольных эко-режимов, а именно самый широко признанный режим – ISO 14001.

Сравнительный анализ, включающий изучение работы режима в разных странах и по разным типам загрязнений, был вызван вопросом: почему режим оказывается эффективен в одном случае, но почти не работает в другом? Авторы проанализировали работу режима с 1991 по 2005 г. в 159 странах по вопросу загрязнения воздуха и в 73 странах по вопросу водных загрязнений.

Авторы пришли к следующим выводам: сертификаты ISO 14001 уменьшают выбросы SO₂ в странах с менее строгими экологическими нормами, но не оказывают никакого эффекта в странах со строгими экологическими нормами. Кроме того, принятие фирмами норм Международной организации по стандартизации не способствует снижению загрязнений воды, являющихся менее заметными по сравнению с воздушными загрязнениями и не зависящих от жесткости внутринациональных норм.

Частные и добровольные механизмы управления и их принятие странами и фирмами – феномен относительно новый, и изучение его с использованием сравнительного метода имеет хорошие перспективы для понимания особенностей его работы.

Статья Хелен Каллахан «**Эффекты политики “принуждения соседа” как детерминанта сплочения транснациональных групп интересов**» анализирует отношение групп интересов в разных странах к различным вопросам транснационального корпоративного права. Каллахан интересуется вопросом: почему по различным вопросам корпоративной повестки дня желание групп интересов объединяться со своими коллегами за рубежом различается?

Автор сравнивает немецких и британских работодателей по их отношению к таким вопросам транснационального корпоративного права, как поглощения и участие работников в управлении. Ею было проанализировано немецкое, британское и европейское законодательство по этим вопросам с 1970 по 2003 г.

Проведенный анализ показал, что работодатели из разных стран расходятся друг с другом в вопросе о поглощениях, но выступают единым фронтом в предложениях европейского права по вопросам участия работников в управлении. Такие различия объясняются Каллахан различными эффектами политики «принуждения соседа»: позитивные эффекты ослабляют сплочение групп интересов (как в случае вопроса о поглощениях), негативные – усиливают (в случае участия работников). В зависимости от вопроса группы интересов получают выгоды или убытки, видя своих соседей принужденными, и это влияет на их желание противостоять транснациональному праву по этой проблеме.

Сравнительный анализ в данной статье связывает национальный уровень с наднациональным, а также включает в анализ частный сектор и паттерны их коалиционного поведения. Как заверяет автор, разработанная ею схема может применяться и по отношению к другим акторам: правительствам, профсоюзам и т.п.

На активности негосударственных акторов сосредотачивается и последняя статья, которую мы рассмотрим, – **«Интерактивная диффузия. Коэволюция полицейского и протестного поведения с приложением к транснациональному сопротивлению»** Донателлы делла Порты и Сидни Тарроу. Особенность статьи в том, что она сравнивает не только различные протестные движения, но также и стратегии протестующих со стратегиями полицейского

ответа на них. В этом заключается оригинальность исследования, предлагаемого авторами.

Статья строится на материале транснациональных контр-саммитов, появившихся на рубеже веков. Авторы говорят о коэволюции инноваций в поведении протестующих и полиции, прослеживая ее на примерах трех крупных транснациональных протестных акций: в Сиэтле (1999), Генуе (2001) и Эвиане (2003).

Изучение кейсов показало схожесть механизмов диффузии инноваций в техниках протестующих и полиции. Всего авторы выделяют три таких механизма: 1) *продвижение* – активность передающего актора, направленная на сознательное распространение инновации; 2) *оценка* – анализ информации о событиях прошлого и их оценка как успешных или неуспешных; 3) *теоретизирование* – помещение технических инноваций в более широкие нормативные или когнитивные рамки.

Протесты сил гражданского общества – актуальнейшая тема современной мировой политики и сравнительной политологии. Рассмотрение протестных действий как вплетенных в единую цепь с действиями органов порядка вносит существенный вклад в современное понимание феномена.

Проведенный обзор публикаций демонстрирует, что сравнительный подход к мировой политике постепенно завоевывает свое место среди более традиционных подходов в литературе как по мировой политике, так и по сравнительной политологии.

Компаративистика хоть и остается во многом государствоцентричной, но уже не может не обращать внимания на вторжение в, казалось бы, изолированную реальность «внутренних политик» государств детерриториализированных феноменов. В статьях это выражалось в темах экологических и других глобальных проблем человечества, изучении нетрадиционных и негосударственных политических акторов, а также в особом внимании к европейской пост-вестфальской «лаборатории».

Что касается мировой политики, то сравнительный метод, судя по всему, оказался удобным в условиях усложнения ее предметного поля. Отсюда интерес ученых, чьи статьи мы разобрали, к исследованию *видов* феноменов, выходящих за рамки одного государства: международных экономических договоров, вопросов международного права, проектов внешней помощи, типов экологических проблем. Заметен интерес исследователей к изучению

особенностей национальных подходов к мировым вопросам. В этом проявляется отмечаемая многими исследователями ресувенизация мировой политики. Кроме того, представляется, что турбулентная череда финансово-экономических, геополитических и других кризисов последнего десятилетия поставила вопрос об эффективности (в первую очередь, *экономической*) выбранных акторами стратегий управления: внутриорганизационного, национального, регионального и глобального. Данные темы неоднократно фигурировали в изученных нами статьях.

Но особый интерес, с нашей точки зрения, представляют те из проанализированных нами статей, которые совмещают в себе традиционный кросс-национальный анализ «государствоцентричного мира» с компаративным анализом «мультицентричного мира». В таком анализе различия в одном из миров становится невозможно понять без выделения соответствующих различий в другом.

Список литературы

- Мельвилль А.Ю.* Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. Политические исследования. – М., 2004. – № 5. – С. 114–119.
- Ильин М.В.* Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. Политические исследования. – М., 2004. – № 5. – С. 120–130.
- Callaghan H.* Constrain-thy-neighbor effects as a determinant of transnational interest group cohesion // *Comparative political studies*. – L., 2011. – Vol. 44, N 7. – P. 910–931.
- Gerring J., Ziblatt D., Gorp J., Arévalo J.* An institutional theory of direct and indirect rule // *World politics*. – Cambridge, 2011. – Vol. 63, Is. 03, July. – P. 377–433.
- Fabbrini S.* Intergovernmentalism and its limits: Assessing the European Union's answer to the Euro crisis // *Comparative political studies*. – L., 2013. – Vol. 46, N 9. – P. 1003–1029.
- Kelemen R.D., Vogel D.* Trading places: The role of the United States and the European Union in international environmental politics // *Comparative political studies*. – L., 2010. – Vol. 43, N 4. – P. 427–456.
- McNally C.A.* Sino-capitalism: China's reemergence and the international political economy // *World politics*. – Cambridge, 2012. – Vol. 64, Is. 4. – P. 741–776.
- Porta D., Tarrow S.* Interactive diffusion. The co-evolution of police and protest behavior with an application to transnational contention // *Comparative political studies*. – L., 2012. – Vol. 45, N 1. – P. 119–152.
- Prakash A., Potoski M.* Global private regimes, domestic public law. ISO 14001 and pollution reduction // *Comparative political studies*. – L., 2014. – Vol. 47, N 3. – P. 369–394.

Shapiro J.N., Siegel D.A. Moral hazard, discipline, and the management of Terrorist organizations // World politics. – Cambridge, 2012. – Vol. 64, Is. 01. – P. 39–78.

Tobin J.L., Marc L. Busch. A BIT Is better than a lot: bilateral investment treaties and preferential trade agreements // World politics. – Cambridge, 2010. – Vol. 62, Is. 1. – P. 1–42.

Winters M.S. Choosing to target: What types of countries get different types of world bank projects // World politics. – Cambridge, 2010. – Vol. 62, Is. 3. – P. 422–458.